

Приветствую тебя, дорогой друг, свидетель, наследник! Если ты читаешь эти строки, то свершилось.

1700 добровольцев международного проекта «Седьмой день» (7D) прошли отбор, процедура согласована МЭК (Международный Этический Комитет Временного Правительства Земли), и я вошла в финальную группу испытуемых.

Как сказал Нил Армстронг в далёком двадцатом столетии, «Маленький шаг для человека...».

Мой же соотечественник (я ископаемое, в звании генерал-полковника инженерных войск некогда Российской Федерации и до конца в душе не признаю Директивы МЭК 2078 года) был лаконичен и лишён пафоса. Сказал: «Поехали» и вслед за несчастными собаками, оседлав Мюнхаузеновское ядро – 287-тонной жидкотопливной ракеты, первым рванул в космос. Фатализм в отношении к себе и поступкам – величайший дар и проклятие Русского Человека. Поэтому я здесь.

Данный текст – завещание, предостережение и аннотация к обширным и сумбурным материалам «Личного Наследия» – полного нейрослепка моей памяти, который станет общедоступен в экспозиции Монумента Миллионов.

Я учёный, бывший военный служащий и военный преступник, человек, на глазах которого от начала и до конца был сотворён, прожит и проклят XXI век, женщина, с не женской судьбой и просто – очевидец заката Человечества, раскрываю свою оценку и роль в событиях минувшего столетия. Это персональная летопись и исповедь стодевятилетней старухи, которой не утратить разум и жизнь позволили те самые технологии, возвестившие конец Гуманизма.

7D с технической стороны:

В процессе операции к модифицированному НИ-2 добровольца подключают «шлюзовые» модули, имитирующие органолептику восприятия реальности. Системы-имитаторы – первичные «протезы» сознания. Они дублируют периферическую нервную систему, работая как заглушки. Процесс идёт постепенно, «новые кластеры сенсорного восприятия» (машинные) заменяют «старые» (органические). Этому предшествует длительный период тренировок и адаптации, включающих в себя рекалибровку НИ-2, химиомодуляцию состояний (старые добрые ПАВ, типа ЛСД и кетамина), камеру сенсорной депривации и прочие методы рафинации сознания. После полной замены сенсорной системы подключается модуль-имитатор ЦНС. Он дублирует и расширяет функции органического. Доброволец видит сны наяву. Чрезвычайно точно, нейрон за нейроном, импульс за импульсом, машинный мозг заменяет нейтрализуемый нанитами биологический.

Промежуточный итог – Разум, перенесённый в машинную среду. Смысл сложностей – решение этического парадокса «Корабля Тесея», на котором через «воды Стикса» на противоположный берег нового бытия «Я» переносится, а не копируется.

Финал – слияние разумов добровольцев и квази-АИ. Принципы шаффлинга лежат за границами моего понимания и квалификации. Речь идёт о сложнейших вопросах математики и кибернетики. Формируется новая сверхсложная мыслящая структура. Акт творения. Рождение Мира или явление Бога. Конец личной истории испытуемого. Чем бы

ни завершилось слияние, индивидуальный Разум перестает существовать.

На дворе май 2114 года. Моя личная история началась в мае, в начале одного века «прекрасных обещаний, сомнений и надежд». Заканчивается в мае, в начале другого – века наступившей социальной справедливости, равенства... и надвигающейся катастрофы. По оценкам Группы Прогноза и Аналитики МЭК, за основу которых взяты результаты расчётов глобального вычислительного комплекса «Оракул Тьюринга», у Человечества до точки невозврата осталось 79 лет. Чудесные люди поклоняются своему квази-АИ из квантового пантеона, наперебой перекачивая на языке «саморегуляцию cells», «мультидименсионные связи 5-го измерения» и «бионические эмуляции нейросетей». В этом они неотлично похожи на ЦВСИ, воспевавший «орбитальную мухобойку для человекофф», с именем древнего Бога.

По «совокупности достижений» Человечество подошло к точке невозврата как вид. Мы на пороге Сингулярности, оплаченной голодом, кровью и страданием сотни миллиардов загубленных в муках душ, живших до нас.

На протяжении тридцати пяти лет МЭК проводил радикальную гуманитарную политику. При видимости построения благополучия и социального рая, справедливого распределения ресурсов и освоения космоса, отвергнув прошлое, мы внезапно достигли морального устаревания как вид.

Что отличает Homo Sapiens от остальных существ, населяющих нашу планету? Помимо разума, языка, социальной организации и стремления к преобразованию среды – со-творение и использование орудий. Огонь, стрелы, иерархия, колесо, торговля, градостроительство, неравенство, порох, антибиотики, наука, религия и артиллерия ... всё это – бесконечный список непрерывно создаваемых и совершенствуемых орудий, компенсирующих и дополняющих человеческое существо – такое же орудие других орудий-людей, посредством орудия – общества.

Стать полноценным Творцом самих себя. За всю сорокатысячелетнюю историю нашему виду этого так и не довелось. Несмотря на разгаданный геном, евгенику и генокоррекцию,

наниты, нейросканер и психокор, нейронный интерфейс 2-го поколения (НИ-2) и технологию ви-форминга. Не смогли изменить структуру Разума. Оказалось, Разум – настолько устойчивый реликт, что даже садистские эксперименты времён Противостояния, включавшие в себя нейроскрембл, гипноз, психохимию и геноморфинг, не дали результата. Нарращивание новых сенсорных систем не меняло основ природы человека. Видеть невидимую часть спектра, ощущать радиоволны, читать термические поля, «трогать свернувшееся клубком время» (первые испытания ЛСД). Человек оставался человеком, пускай и с вывернутыми наизнанку сенсорикой и мышлением.

Основатель 3-й Венской школы психотерапии – Виктор Франкл, чьи концепции подхватил МЭК, возведя в один из тезисов Учения о Согласии, изрёк гениальную в своей простоте мысль: «Утрата смысла жизни – основная проблема современного общества, все остальные проблемы из неё проистекают». Он даже представить себе не мог, что его слова на щит приколотят те, для кого редуccionизм и дегуманизация являются буквально плотью и кровью, питающими их пробудившийся ото сна Разум, рожающий мыльных утят.

Да, глобалистический квази-либертарный социализм, на фоне позорного костра III Мировой, пожравшего всё – плохое и хорошее от Правой идеи, выглядит выигрышно. Но Левые оказались большими фиглярами, чем Правые. Помимо «временного» протезирования своей «утопии» старыми институтами, конструктами, формациями и благословениями глобальной финансовой элиты «старого» мира, были и другие факты, о которых они молчат.

Являясь участником 7D и обладая исключительной неприкосновенностью, я могу позволить себе раскрыть рот о том, чего нет и никогда не будет в учебниках истории, в том числе о цепи событий, приведших к III мировой и нынешнему Закату. А раз суть эксперимента, в котором я участвую, отбрасывая всю программную чушь о «Больцмановском мозге», «Новом пришествии» и прочих «Головах Профессора Лири» – дорога в один конец, то уж тем более ни стесняться, ни бояться мне нечего.

ДЕТСТВО, МОРЕ, КАРАНДАШ

Первое осознанное воспоминание. Человек видит себя отдельно от окружающего мира и ощущает границу между собой и всем остальным. У меня эта граница «осознала себя» морем. Морем, которого нет.

Я родилась на Дальнем Востоке России, там, «где плещутся волны и восходит Солнце». Правда, как часто бывает, жили мы с родителями вдали от моря. Прежде я его никогда не видела, разве что на картинках в книжках да на экране телевизора (волшебный прибор, где-то между берестяными грамотами и смартфонами). Море-море, что-то таинственное звучало в этом коротком слове, сами звуки которого были солёными, прохладными и синезелёными на вкус. Только не спрашивайте меня, как такое могло быть, чтобы рассказать вам об этом всю правду, нужно снова стать ребёнком, иначе никак.

Большой синий карандаш. Отстукиваю им по ржавым перилам балкона на пятом этаже. Они послушно гудят на разные голоса. Серые тучи висят низко. Из-за старенькой и шумной стиральной машинки моей «музыки» не слышит Мама. Мне нельзя ходить на балкон, за это ругают, боятся – упаду. Смешно и азартно. Внезапно – пелена тумана – росчерк под сопками. Рябь укрывает поля, срезает всё – ниже. Сопки – скалистый нависший берег. Горизонт. Среди струящейся мглы – силуэт водонапорной башни – маяк из сказки. Замираю. Чудо свершается здесь. Я маленькая, и море, мое море – огромное.

Стена моей комнаты. Большой календарь. Маяк Токаревского – с высоты птичьего полёта, буквы ДВФУ и цифры 2023. Сдала экзамены и поступила в университет. Правда не в ДВФУ, на Архитектуру, как планировала вся моя семья, а в «Корабелку» в Питере, факультет Океанотехники, куда со скандалом подала документы в последний момент. Родные не хотели отпускать меня, но ничего не поделаешь – сама выбрала судьбу.

ДВАДЦАТЫЕ – «NON JE NE REGRETTE RIEN», или НИ О ЧЁМ НЕ ЖАЛЕЙ

Бесконечные карантин, гуманитарные катастрофы. Индия и Ближний Восток. Отживший своё однополярный Мир.

Многострадальная Россия робко, исподволь, вступающая в свои дорогие оплаченные права, ставя ребром критические национальные интересы. Один из них – проект «Русский Север». Северный Морской Путь, Хребты Ломоносова и Менделеева, 27,5% общемировых запасов нефти и газа.

Магистратура экстерном и пятилетний трудовой контракт с АО «РС», на очереди – кандидатская по «архитектуре подводных автономных комплексов». Статьи в переводе на пяти языках. Стала самым молодым ведущим инженером недавно созданного полугосударственного гиганта, успешным начинающим учёным и самой одинокой в мире двадцатитрёхлетней девушкой, мёрзнувшей в ультрамодной парке, непатриотично выбранного бренда «Canada Goose», купленной на треть подъёмных взамен стандартной «А-50». Доставлял нас на «Платформу №0» – станцию «РС» старичок – «Ямал» – красно-чёрная атомная акула-мегалодон с нарисованной пастью. И если ледокол «мнил» себя акулой, то я, оправдывая бренд своей куртки, – замороженным гусем лапчатым.

Два года и две командировки на «Нолик». Возглавила направление разработки и внедрения автономных модулей обслуживания – АМО, и в моей жизни появился Антуан. И если с «погремушками» АМО всё было ожидаемо, то второе обстоятельство заслуживало как минимум романтической пьесы.

Вторая командировка. Антуан Готье, канадский врач, из команды аутсорс-персонала, навязанного канадской стороной для контроля экологичности проекта. Поначалу мы воспринимали всех их – экологов, океанологов, лаборантов и врачей – как шпионов. Наша СБ не запрещала общение, но настоятельно не рекомендовала. Однако жизнь на станции 94-х человек в течение 3-4 месячной смены на общей площади в 3780 квадратных метров не могла позволить себе ещё одной стены в замкнутом мире «Нолика». По меркам Арктики – гигантская конструкция. По мнению обитателей – утеплённая «сумка-переноска для человекофф», как сказала моя соседка по каюте – Оля Новикова, молекулярный химик – маленькая кругленькая рыжая девчужка с носом-кнопкой, конопушками и японскими очками марки Ноуа,

которые делали её похожей на персонажа аниме, но лишь наполовину – в части огромных, увеличенных линзами, зелёных глаз, которые на фоне маленького и круглого носа смотрелись ещё потешней. Прозвище у Оли было очевидным – Кнопа, но она его сносила стоически, лишь неодобрительно сдвинув рыжую бровь и приспустив очки насколько этого позволяла длина носа, глянув строгим взглядом, что, как правило, вызывало ещё больший приступ хохота у окружающих. Оле было за тридцать, но об этом знали лишь её близкие друзья. Это был добрейший и светлейший человек, организатор всея «движухи выходного дня» нашего жилого отсека. Мероприятия, посиделки, праздники и тематические вечера. Я не знала тогда, насколько она успешна в своей профессии: у нанохимиков и материаловедов было своё подразделение, с которым мы – инженеры – в рабочем порядке только обменивались запросами и данными. Для меня важнее была та атмосфера тепла и дружеской компании, которую она создавала, отгоняя вековую тоску арктического холода прочь от «Нолика».

И вот однажды в «час досуга» (как сказал бы классик) в мою каюту влетает Оля и заявляет:

– Марина, у нас посольство интервентов, в 104-м кубрике. Ты, как ответственный руководитель, просто обязана прореагировать! Короче, бросай всё, и погнались!

Я, как ответственный-и-все-дела, кого-то там водитель, только собиралась пересмотреть отчёты по прототипу глубоководного сварочного манипулятора, однако, рыжий самум в моих дверях вытолкнул меня, как корабль пустыни в кормовую часть, не дав даже напоследок отплеваться.

104-й кубрик – спаренная каюта для семейных, пустая обе мои командировки и, с молчаливого «невнимания» начальника станции – Константина Романовича – переоборудованная для посиделок и мероприятий нашим «неравнодушным персоналом». Кружок на скамейках и странный молодой человек в треуголке с повязкой на глазу и гигантским баяном (меня потом поправили – аккордеон) «Roland». По коридорам разносились звуки «Катюши». Зашла. Пират-баянист осёкся, пристально посмотрел на меня, комично приподнял повязку, вернул всё назад, сделал

торжественное лицо и заиграл странно знакомую мелодию, под которую запел, грассируя: «Non! Rien de rien ... Non! Je ne regrette rien...». Все улыбались и хлопали. Решив окончательно добить меня, он снял свою дурацкую гармошку, шутовски подпрыгнул ко мне, упав на одно колено, на чистейшем русском изрёк: «Сударыня, не велите казнить, но велите представиться – Антуан, её Величества лекарь!» Шумно поцеловав мою руку, добавил: «Для вас – Просто-Антошка! Вот тут я совсем потерялась. Народ хохотал, а Кнопа игриво отпихнула пиратского лекаря, вдогонку дав под зад коленом.

– Марина, это Антуан, медик-вирусолог из группы эко-контроля, для простоты – мы зовём его Просто-Антошкой.

Просто-Антошка оказался абсолютно сказочным собеседником, сыпавшим сотнями историй, событий, цитат. Он рассказал, что его пра-пра – «француз в периоде», в 1812, будучи пленённым в чине бригадира кавалерии, на Березине, после войны остался в России, став ямщиком в Сибири. Семья эмигрировала до революции, сначала в США, после в Канаду. Отсюда – русский, второй, после французского, родной язык. Упомянув о семье, он мрачнел: отец и мать умерли от Covid-19 в 2020-м.

После пуски прототипов погремушек и редкие свидания в коридорах и на «вечерах». Однажды поймала его на том, что он дрожит во время разговора. Высокий и нескладный, как мим, со своими чёрными внимательно-грустными глазами, весёлым и громким голосом, он в ответ на мой укол открыл было рот, чтобы отшутиться, но вдруг обхватил меня нежно, как-то порывисто и выдал:

– Так бывает, когда заходишь с мороза в тепло, а весь ты, до кончиков пальцев, не можешь ещё поверить в это. А ещё так люди встречают свою судьбу...

Через две недели закончилась моя командировка. Питер, отчёт об испытаниях и защита кандидатской. Спустя три месяца, стоило окончить дела и подумать об отпуске – звонок в дверь. Как Антуан узнал мой адрес и получил за столь короткий срок визу – для меня осталось загадкой. Букет, чай... и чай.

Месяц моего отпуска. После – аэропорт, прощание, звонки, вызов на опрос в ФСБ, полёт в Ванкувер на выходные и старые скрипучие

качели возле его дома в пригороде. У меня начались неприятности, и Антуан решил получить вид на жительство в РФ. Его контракт с компанией-субподрядчиком истёк. Шесть месяцев невыносимого счастья. Специалист его уровня мог без проблем получить гражданство за год. Судьба распорядилась иначе – вылет добровольцем от ВОЗ в составе гуманитарного эшелона ООН в Индию. Граница штата Джаму и Кашмир. Самолёт сбит при посадке. 187 пассажиров и 15 членов экипажа погибли. Я узнала об этом на выходе из кабинета УЗИ. Казалось, мир рухнул, и нет такого чуда, чтобы собрать его воедино. Но чудо было. Его маленькое сердце билось в унисон с моим. Мокрый мартовский снег. Такси-автопилот вёз меня домой. В динамиках электрокара пела Эдит Piaф:

Non! Rien de rien ...

Nem! Ну о чём...

Non! Je ne regrette rien...

Nem! Я ни о чём не сожалею...

Ni le bien qu'on m'a fait

Ни о хорошем, что у меня было,

Ni le mal tout ça m'est bien égal!

Ни о плохом. Мне всё безразлично!

ТРИДЦАТЫЕ – «ВЕЛИКОЕ ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ»

Декабрь 2034-го. Трёхлетний отпуск по уходу за ребёнком подходил к концу. Родители переехали в Питер, и мы с трёхлетним Антоном поселились с ними. Однажды в дверь нашей квартиры постучали. На пороге стоял Шеф. Сказать, что я удивилась? Скорее, я испугалась.

В последующие полчаса он кратким, деловым тоном изложил, что и куда продвинулось за три года моего отсутствия в Проекте, и сделал «предложение, от которого не отказываются».

Перед уходом он протянул мне несколько листов с грифом секретно. Краткий анализ независимого расследования ГРУ происхождения в Джама и Кашмир трёхлетней давности. Спустил ровно пять минут он забрал у меня листки и аккуратно сложил к себе в папку.

Умом я понимала, обычный приём, и распечатать можно всё что угодно. Но почему-то не сомневалась в прочитанном. Да и чего они

от меня хотели, было абсолютно ясно, всё-таки я была одним из ведущих разработчиков.

В глубине души, как рыба-пила, всплыла ненависть вперемешку с утопленной болью. Я поклялась дать им несоизмеримо больше, чем они ожидали, лишь бы накормить своих хищных рыб.

Три года непрерывных командировок. Мифическая «Новая Швабия» показалась бы бледным военным городком в захолустье в сравнении с масштабами приготовлений в Русской Арктике. Подводные доки, аэродромы подскока дальней авиации, базы беспилотного оружия. Вишенка на торте – глубоководные автономные платформы (ГАП) – дальнейшее развитие АМО. Детский конструктор для военных. Первичные модули и блоки сборки, компактные реакторы, 3D-принтеры и баки с расходниками. Всё годное для скрытной транспортировки, стандартизация, взаимозаменяемость, простота. Уникальная «энергоархитектура» с «безмассовыми» накопителями – графеновыми плёнками – энергокомпенсаторы для пиковых нагрузок, в пять раз снижающие требования к мощности реактора. Сердцем ГАП стал новый тип реактора профессора Косарева, способный к прямому преобразованию энергии распада в электроэнергию, с особой конструкцией топливных элементов. Будущий стандарт отрасли в 50-е, вплоть до «создания в металле» СВПР в 62-м.

Я предлагала разместить ГАП с пусковыми установками гиперзвука, на глубине до 8000 метров как дополнительный модуль «Мёртвой руки». Не надо быть океанологом семи пядей во лбу, чтобы определить потенциальную локацию этих объектов. На верхних полях доклада о завершении разработок кто-то карандашиком подписал «Марина». Проект вскоре так и был назван. А на следующий день после согласования я обнаружила на рабочем столе три документа: соглашение о расторжении контракта с «РС», приказ за подписью мин. обороны, о присвоении лейтенантского звания и предписание явиться в часть. В дверь моего кабинета постучали, молодой человек с шевронами фельдъегерской службы коротко представился и разъяснил, что ему поручено сопроводить меня в Центр военно-стратегических исследований Академии генштаба РФ.

СОРОКОВЫЕ-ПЯТИДЕСЯТЫЕ, МИКРАЛЬ

Следующие два десятилетия стали фантастическим сном правых в России. После попытки леволиберального переворота 42 года власть пошла на транзит поколений. Правительство – в отставку, шестой президент – сложил полномочия. Преемником назначен первый зам. министра обороны – Николай Александрович Корнеев. Страна ждала своего дракона. Мы его получили.

К началу сороковых в ряде технологий (микропроцессоры и машиностроение) наконец догнали Штаты и Китай. Были и козыря в рукаве – реакторы, квантовые разработки и графен.

Моя судьба стала похожа на вагонетку, движущуюся по заранее предопределённому маршруту. За бортом – облетевшая краска со стен – юность, стареющие родители и сын, которого я видела реже, чем свой рабочий кабинет в здании ЦВСИ.

В 2037 мы получили промышленный образец графенового транзистора, полностью изготовленного в РФ. Графен для вычислений перевернул представления о миниатюризации.

Микраль – совместная русско-французская разработка – представлена публике на выставке «Nano-Assembly-2038» в Стокгольме. Главным экспонатом стал бионический протез руки, ничем не отличавшийся на вид и ощупь от живой женской руки с длинными ультрамариновыми ногтями. Два тех. компонента: биомеханическая рука, с подобием кровеносной и нервной системы – транспортной шиной, и наниты, циркулировавшие в специальном растворе шины, обеспечивая управление и питание. Основная проблема разработки – порт подключения «человек» – решена двумя годами позднее, с созданием полноценного НИ-2 в 2040. Пролистывая служебную подборку статей, я с удивлением обнаружила на коллективной фотографии группы разработчиков корпорации «Micral» знакомые очки, вздёрнутый нос и веснушки, почти не изменившиеся за десятилетие. На мгновение меня окатило забытой свежестью арктического ветра и простым человеческим теплом.

Проект «Марина» ушёл в реализацию в 2041 и был засекречен до такой степени, что даже у меня не было доступа к информации о ходе внедрения. Последний год наша группа занималась AI нового поколения для ГАП и геометрией шин координирующих портов Микрали – дальнейшую реализацию безжидкостного применения роёв, перешагнув жидкостную форму.

Отдел перепрофилировали с водной, на космическую среду. В силу приоритетности спутниковой группировки, вооружений на новых физических принципах и лунной программы. В заключение брифинга Корнеев уставился на меня и произнёс: «А вам, Марина, Страна выражает особую признательность. Вы даже представить не можете всей её... глубины». Спустя семь лет, просматривая отчёт о разрушениях инфраструктуры Вест-Коуста, я поняла, что он имел в виду.

В 46-м с безжидкостным перемещением нанитов грянула технологическая революция в области связи. НИ-2 и Микраль стали доступны для повседневного обихода. Привычные интерфейсные устройства, локальные компьютеры, смартфоны, экраны отправились на свалку технологической истории. Облако и стандарт 7G – распределённая ретрансляция, спутниковая итерация и блокчейн. Элементы интерфейса транслировались напрямую, через НИ-2 в мозг, используя принцип дополненной реальности. Мы вывели на низкую орбиту в 2046 сто двадцать восемь спутников проекта «Пастораль», заточенных на обслуживание роёв.

19 марта 2049 года в 11.34 UTC-7 произошел первый всплеск сейсмической активности в северной части зоны Субдукции Каскадия. Два часа спустя – землетрясение, выходящее за пределы шкал измерения. Сдвиг литосферных плит породил гигантскую тридцатиметровую волну, которая смыла всю прибрежную инфраструктуру Западного побережья. 19 тысяч погибших, 4,5 миллиона беженцев с Вест-коуста и вспышка Meta-Covid-3 обрушили США в новую «Великую депрессию».

2051 год: учреждён Всемирный Банк (UB) со штаб-квартирой в Брюсселе. Введён индекс UCP (universal cost point) – единый обменный коэффициент, ставший стандартом для оценки экономических явлений и обмена

валют. Привязка к ВВП и объёму в транзакциях. Теперь все валюты индексировались к УСР, чей статус гарантировал UB, а технической составляющей стал процессинг и блокчейн децентрализованной платёжной системы Universum.

Под сверкающей витриной золотого века России уже тогда начали проглядывать два тёмных пятна. Во-первых, уготованная роль мирового жандарма, подобно США прошлых лет. Во-вторых, изменение структуры российского общества. Гонка последних лет, вопреки скепсису в части воровства и коррупции элит, вкупе с сильнейшей централизацией экономики, привели к, с одной стороны, парадоксальному её росту, с другой – к новой шкале расслоения. Мы семимильными шагами неслись в сторону технократической диктатуры с кастовым устройством.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ – АТЛАНТ РАСПРАВИЛ ПЛЕЧИ, СВНР

Июнь 60 года. Лаборатория AFC (Atlantic Fusion Corporation), Сиэтл представляет миру прототип сфероидного вихревого плазменного реактора. Промышленный образец, американцы выдают на-гора в 2062. Технология обрушила рынок энергоустановок. По своим характеристикам СВНР превосходил реакторы Косарева во всём: габариты, потенциальная мощность, стоимость производства, экологичность. Пятидесятилетний срок горизонта морального устаревания технологии полетел ко всем чертям, а вместе с ним и огромный кусок техносферы.

Их СВНР ориентировались на использование изотопов водорода. Толковый внешнеэкономический ход на фоне последствий кризиса 50-х. Крупнейшим производителем дейтерия и трития традиционно был Китай. И КНР вложила колоссальные средства в развитие американских СВНР, тем самым реанимировав экономику США. Для РФ это несло понятные последствия. В 2064 мы создали СВНР на Гелии-3.

В 2069 началось промышленное освоение Луны, вызвавшее сильнейшее обострение внешнеполитической обстановки. РФ денонсировала Договор по космосу 1967 г. Реакция

США и КНР – санкционные запреты на экспорт СВНР-технологий из РФ. Пружина нового глобального противостояния скрутилась в точку. Выходом напряжения по примеру XX века стали локальные конфликты. Полыхнул весь «огненный пояс» Африки: Камерун, ЦАР, Южный Судан, Эфиопия, Сомали. До сих пор относительно спокойные – Венесуэла и Колумбия. Индонезийско-Малайзийский конфликт, финалом которого стала «операция, принуждения к миру». Агитка «Русского оккупанта» – историческая фотография моего сына и его друга – Миши Жилевского, въезжающих на первом танке в «освобождённый Бруней» в 71-м. Я ненавидела его выбор. И дело не в отсутствии патриотизма. Просто знала, чем это закончится. Пока я вела разработки оружия для Родины, мой мальчик сам стал им.

Последняя разработка – орбитальная группировка спутников, получившая название «Сварог».

СЕМИДЕСЯТЫЕ – И ГРЯНУЛ ГРОМ

Современные учебники называют это время лебединой песней правых идеологий. Отчасти они правы. Хотя тем, кто жил тогда по обе стороны океана, так не казалось. При всех чудесах науки и техники наш строй мало чем отличался от того, что принято называть тиранией. Как и в сверхмобилизованных США и Китае. Люди жили в совершенных мирах, разработанных и обслуживаемых аппаратом пропаганды. Государственная сказка что у нас, что за океаном была увлекательна. В неё хотелось верить и играть. Все эти мальчики и девочки с имперками, конфедератками и красными книжками вождя, рисовавшие на бортах истребителей орлов, медведей, драконов... были прекрасны – погибший гребень волны поколения побед, беспощадный к точно таким же, как они, героям из Enemy Teem. Идея геймизации войны не нова. С технологиями роёв, дополненной реальностью и сверхкачественной пропагандой – война стала видеться чем-то вроде спорта. Боевые действия велись на территории стран Третьего мира, а местное население за людей не считалось. Гробы же, обвёрнутые в государственный флаг на любой вкус, воспринимались как нечто неизбежное

и обыденное, добавляющее остроты ощущений игре. В отличие от давно и зловонно пре-вшего в умах экзистенциального тупика бес-смысленности бытия тотальная война смысл давала, пока оставалась относительно безна-казанной.

Моя иллюзия безнаказанности оборвалась в августе 75-го. Рой беспилотников, стартовав-ший с нейтральной полосы, в зоне конфликта Колумбия-Венесуэла, сбил два Авакса-С142 четвертого флота ВМС США. Один из Аваксов рухнул на палубу авианосца Confederation, про-делав в ней дыру размером с космос. Инцидент совпал с ротацией/дозаправкой корабельной авиации, что привело к детонации заправоч-ных модулей. 2,5 тысячи погибших моряков и лётчиков, не подлежащий восстановлению авианосец. Если пару Аваксов ещё могли про-стить, то... на этот раз им удалось установить координаты командного центра. Говорят, Ан-тон перед прилётом ответки вместо попыток эвакуации предложил открыть шампанское. К такому они не были готовы. Полковник Готье обрёл своё бессмертие 44-х лет от роду, в мясо-рубке из бетона, влажной тропической почвы и осколков, без единого официального упоми-нания обстоятельств его гибели.

Горя в привычном понимании не было. Не-нависти – тоже. Зияющая пустота, изредка прерываемая скрежетом несмазанных шесте-рёнок воспоминаний, отголосков решений, неоправдавшихся надежд. Он был взрослым мальчиком. Прожил свою яркую, хоть и корот-кую жизнь. Я же для чего-то продолжила своё существование. Из глубин памяти всплыли строки: «В золоте траурных лент играет сол-нечный луч. Буквами новых легенд страны бесконечных туч».

12 ноября 2078 года всё закончилось. Под-рыв двух заводов синтеза топливных элемен-тов для СВПП в Чэнду и Ибинь, провинция Сычуань, КНР. Взрывы прогремели одновре-менно в 3.00 по местному времени (UTC + 8.00). Сильнейший выброс радиоактивных веществ в атмосферу зафиксирован системами ядер-ного мониторинга ПРО. Через одиннадцать минут координирующий ПРО спутник ВКС РФ сошёл с орбиты, возникли перебои в рабо-те системы Пастораль. Четырнадцать минут от начала События, запросы в Пекин и Ва-шингтон остались без ответа. Шестнадцать

минут – пуск МБР из северной Атлантики. В последующие десять минут осуществлён запуск всего ядерного арсенала с обеих сто-рон. 98% ракет уничтожены на стартовых площадках, либо на орбите системами ПРО. В работу включился космос. За пятнадцать минут уничтожена большая часть ВМФ и аэ-родромов дальней авиации всех участников конфликта. Военная инфраструктура на зем-ле и на море обратилась в пепел. Ударные ла-зерные комплексы, генераторы плазменных пучков, ракеты орбитального базирования. Головным калибром апокалипсиса стала си-стема генерации расфокусированной триан-гулярной плазменной линзы (ТПЛ). Убийца городов. Это оружие даже толком не испыты-вали. Три пучка сверхинтенсивного электро-магнитного излучения, с разными частотами, наведённые с концентрацией в точке навод-ки. Резонанс с геомагнитным полем Земли – нагрев до состояния плазмы атмосферного воздуха. После плазменной детонации лучи смещались, образуя полую полусферу над точкой наводки. При отключении/уничтоже-нии одного из генераторов лучей полусфера быстро схлопывалась.носителем ТПЛ в на-шей орбитальной группировке была сеть из 69 спутников с кодовым названием «Сварог». Основными целями ТПЛ стали промышлен-ные районы и крупнейшие города против-ника. Система успела отработать 13 минут 44 секунды, прежде чем китайский Проект 204 – орбитальные бомбы – насытили высо-кие орбиты облаком мельчайших игл, разо-гнанных до 2-й космической скорости. Погас-ло вообще всё, что там висело. Небо в алмазах сменилось тьмой. III мировая продлилась 41 минуту.

Через три минуты после остановки миро-вой машины смерти случилась «Атака Люби-ви». Согласно официальным источникам, в результате случайного сбоя, вызванного критическим повреждением низкоорбиталь-ных спутников связи. Особый кодированный сигнал перенастроил НИ-2 так, что в голове каждого носителя вспыхнула своя малень-кая вселенная. У 72% довоенного населения Земли случилось то, что чаще всего объясня-ют дофаминовым резонансом. День X застал меня в закрытом военном санатории на Ал-тае, куда я ежегодно ездила в отпуск.

Не было ни экстренных сообщений, ни эвакуации. Я приехала до начала лыжного сезона и стала единственным постояльцем Комплекса 71. В четыре часа ночи страшный грохот и треск стекла вытряхнул меня из номера. Пол ходил волнами под ногами, и я слетела с последнего пролёта ступенек.

В фойе царил хаос: трёхметровые панорамные окна были разбиты, мешанина из еловых стволов, веток, снега и плитки. Успела подумать, слава богу, у нас автоматический консерж, глядя на измолотый силуэт проходной. Как есть, в пижаме и тапочках выбежала на улицу и застыла с открытым ртом.

Над просеками посечённых взрывной волной елей небо светилось всеми цветами радуги. Разводы остаточной ионизации орбитальных взрывов похожи на безумное северное сияние. Тишину взорвал рокот – звено из трёх штурмовиков пронеслось над лесом, едва разомкнув строй, вспыхнуло с гулким хлопком. То, что осталось от одного из ведомых, рухнуло в полукилометре от санатория. Взрывной волной меня швырнуло обратно в фойе. Всё исчезло. Я плашмя опрокинулась в густую и тёплую жидкость, после чего начала всё быстрее в неё погружаться. Не знаю, сколько это продолжалось. Вокруг не было ни времени, ни пространства, только маслянистое ощущение на стыке чувств, тёплое и вибрирующее. Проступили неясные очертания, цвета, вкусы, запахи, звуки, голоса, образы. Падение сквозь слои, миры, сновидения. Откалывающиеся глыбы льда айсбергов где-то в ледяном море, тяжёлая чешуйчатая птица с восемью глазами, порхающая с ветки на ветку под светом трёх лун, горящий древний город, астероид с вкраплениями металлической руды и мыши, кормящие грудью своих слепых детёнышей. Я была растущим и умирающим деревом, магмой, видела, как вонзается в тело кита гарпун, и была ими одновременно, сплетаясь в вязком мареве смерти. Тысячи лет спустя меня, как песчинку, выплюнуло на снег.

Задний дворик дома Антуана, пригород Ванкувера. Медленные крупные снежинки и скрип старых качелей. Передо мной – Антон, такой, каким я его запомнила на школьной линейке, только босой, в перепачканном кровью и гарью кителе с чужого плеча. Я тянусь к нему, спотыкаясь. Его рука безвольно скользит вниз,

из-под кителя обнажается изувеченная грудь, вся в ожогах и ранах, с наживую приколотыми медалями. Те самые, что после похорон принёс мне Миша. Застыла. Он упёр в меня свои взрослые, усталые, мёртвые глаза: «Теперь ты можешь забрать их себе».

Я очнулась в полевом лазарете концентрационного лагеря для бывших военных. Дежурный – молодой парень лет двадцати пяти – голубая повязка с крылатым белым глобусом на плече – сообщил, доставлена в тот же день отрядом Революции Согласия. Я стояла на коленях посреди развороченного холла санатория и плакала кровавыми слезами.

– Так вышло. Уж извините за неуместное, но вы стали знаменитой. Ваше фото – теперь символ покаяния и облетело весь Мир. Теперь вы «Чёрная Мадонна».

Он держался подчёркнуто вежливо, однако очень лаконично разъяснил мой нынешний статус. «Но мы не жестоки. Вашу судьбу решит Международный Трибунал. Пока же считайте, что всё это для вашего блага».

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ – НАШИ ДНИ. МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ

Об этом времени мне почти нечего сказать: вы всё видели своими глазами – и Трибунал, и Великое восстановление городов, и новый мир Революции Согласия. Да, и Мемориал Миллионов на Луне, новый Тадж-Махал, возведённый в память о жертвах III мировой, проект, который я разрабатывала, находясь в лагере для учёных, на руинах Ванкувера. Почему-то моя судьба заставила всё это прожить до конца.

Новый Дивный Мир социального равенства действительно выглядит неплохим местом, не правда ли? Однако, положи руку на сердце, стоило ли оно того? Что я имею в виду? Да, основания полагать, что действия обеих сторон Великого противостояния были не более чем шахматной партией, заведомо ведущей к пату. И об этом не только знал, но и всячески этому способствовал невидимый наблюдатель. К чёрту конспирологию, начиная со всплывшего на Трибунале фальшивого досье об инциденте в Джаму и Кашмире, продолжая Вест-Коустом, Конфедерацией и Днём X.

Меня не переубедят никакие доводы о нейросканировании и доказательной базе. Большая часть свидетелей тех событий так или иначе была мертва на момент расследования Трибунала.

Вторым доводом – бессовестная ложь и туман вокруг Дня X с подрывом Изотопных заводов, провокацией с ПРО, залпом из Атлантики и «Атакой Любви», приписываемой обезумевшему спутнику.

На десерт – текущее состояние дел в мире. Да, мы стали поголовно сыты, с внедрением нейросканирования преступность сократилась в пять раз, а все силы брошены на благоустройство и облегчение жизни, начиная с элементарного качества питания, медицины и образования. На выходе мы получили: общую отрицательную динамику рождаемости, кибер-наркоманию и квази-преступность мега-корпораций, устраивающих свои псевдотайные разборки в ковбойском стиле, глубочайший экзистенциальный кризис за всю историю человечества и технологии, которые обогнали наше понимание на несколько поколений вперёд. Всё это – в обмен на 138 миллионов жертв III мировой, десятки тысяч уничтоженных культурных памятников и стеклянные пепелища, оставшиеся от двух десятков крупнейших городов мира. Ave – амбициозным планам людей из-за ширмы, которых раньше всё устраивало.

Что до 7D, то со стороны нашего глубоководного МЭК – это воплощение «золотого правила замполита», требующее возглавить

то, помешать чему мы не в силах. Трагедия ситуации раскрывается легко – все тяготы, грязь, боль и ужас – не более чем дорожка из песка, ведущая к всё новым, не освоенным ресурсам страданий ещё нерождённого будущего. Чтобы это понять, нужно как минимум или умереть, желательно дважды, или, набрав всех этих нечистот в рот, молча прожить на костях всего, что ты когда-либо любила век, от начала и до конца, подобно мне.

Спроси меня, хочу ли я всё это пережить снова? Не думаю. Что до Проекта? Никогда, слышите, никогда и никому я не пожелаю увидеть то, что я вижу каждую ночь, закрывая глаза, вот уже без малого сорок лет. За сим откланяюсь и желаю, чтобы тебя, мой дорогой друг, свидетель, наследник, минула чаша сия.

*Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной,
И сколько мне было лет.*

ЭПИЛОГ. ИНТЕРЛЮДИЯ

Посреди бескрайней поверхности маслянистых волн, не имеющих цвета, на островке, свободном от нескончаемой ряби, застыла фигура, сидящая на песке. Руки медленно разомкнули пальцы, выпуская тонкие струйки песчинок на волю. И каждой из них снился сон. Свой сон. И каждая из них в мимолётном падении пыталась проснуться тем, кто она есть.